

Пролог

1885 год, Российская империя, Санкт-Петербург

Яникогда не думала, что голова может болеть даже во сне. Помню, после первого допроса мне стало дурно, повело в сторону и... должно быть, я все-таки упала, потеряв сознание. Впрочем, боль была несильной, тупой — с нею я давно сумела свыкнуться. Меня разбудило другое. Кто-то настойчиво отбирал у меня то, на что я положила голову. Я слабо отмахнулась — не помогло. Тогда пришлось открыть глаза.

Надо мною склонилось красное и опухшее, как это бывает у сильно пьющих людей, лицо незнакомой женщины. Ну, наверное, женщины, поскольку губы были ярко накрашены — незнакомка пыталась выдернуть из-под моей головы мою же меховую накидку. Бархатную, отороченную соболем накидку, которую совсем еще недавно Женя заботливо надевал на мои плечи. Я не успела ни подумать, ни испугаться — резко выбросила руку, перехватив ее запястье. И сжала, добившись, чтобы она отпустила мех. Отыскала заплывшие глаза:

— Пошла вон, — прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывала.

— Вякать будешь, подстилка фраерская? — осклабилась в ответ девка.

Я едва успела отшатнуться, чтобы желтые ногти не разодрали мне щеку. Дернула захваченную кисть, провернув в суставе. Надавила на локоть, выворачивая руку так, что девка взвыла. Точь-в-точь как обещал Женя.

Правда, он не предупредил, какой водопад obscénitéсен russe¹ обрушится на меня вместе с воем. Я-то прежде думала, что это наша мадам в Смольном сквернословит неподобающим женщине образом. И только тогда растерялась.

— Фимка, кончай голосить, — шикнула откуда-то вторая, которую я еще не видела.

— А чего она дерется! — заскулила Фимка. Но когда я чуть ослабила хватку, с готовностью метнулась к стене, растирая запястье. — Сучка бешеная. Я те покажу еще...

— Умолкни, тебе сказано! — Вторая уже повысила голос, и Фимка обиженно заткнулась.

А я только теперь осмотрелась. Это была тюремная камера — никогда не бывала в них прежде, но в месте своего пребывания не сомневалась. Узкая, с обшарпанными каменными стенами и тусклым зарешеченным окном под самым потолком. Кроме меня, еще три женщины, все как одна пропитые и хмуро на меня глядящие. Только теперь я испугалась по-настоящему. Захотелось сжаться в комок, забиться в самый дальний угол и расплакаться от жалости к себе. Но я сидела не шелохнувшись, потому как понимала — стоит лишь показать им слабинку...

¹ Русская ненормативная лексика (фр.). Здесь и далее прим. автора.

И меня мутило все сильнее с каждой минутой, а шум в голове и не думал угасать.

Одна из женщин — та, что приструнила Фимку, — подседа ближе, с жадностью меня рассматривая. Она была пожилой, с грязными неприбранными волосами и колючим, пронизательным взглядом. Я не верила, что заведу здесь подруг, так что мне хотелось и от нее держаться подальше.

— Тебя за что сюда, красавица? — спросила наконец она. И сама же предположила: — Говорят, девку какую-то пристрелила за то, что она с супругником твоим куролесила. Правда аль нет?

Я метнула на нее резкий взгляд:

— Кто так говорит?

— Да так... люди. — Она улыбнулась, глядя на меня еще въедливей.

А я еще более убедилась, что доверять в подобном месте нельзя никому. Тем же, кто в друзья набивается, — прежде всего. Ответила я ей, впрочем, вполне дружелюбно:

— Лгут те люди, бабушка. Ошибка это. Обознались.

Она цокнула языком и развеселилась:

— Хых, у нас все так говорят. Звать-то тебя как?

— Положим, что Марусей, — ответила я, давая понять, что мне все равно, поверит она или нет.

Старуха ухмыльнулась. Похоже было, что имя мое она прекрасно знала и так.

— Гордая ты шибко, — сказала она, буравя меня взглядом. — И норовистая. Кича¹ таких не любит... Маруся.

¹ Зона, тюрьма (*жарг.*).

Но хоть отцепилась, и то слава богу.

А я еще раз хмуро оглядела камеру. Разговор наш, безусловно, слышали, и я подумала, что, может, и неплохо, ежели эти благородные девы теперь знают, что я вполне способна кого-то застрелить.

О них я решила более не думать. Руками, без зеркала, нащупала, что творится с моими волосами, и принялась торопливо переплетать их в косу. Когда Женя придет за мною, я должна выглядеть хоть сколько-нибудь прилично.

Я знала, что он придет еще не скоро.

И догадывалась, что он даже не подозревает о том, где я нынче.

Да что там — я и сама понятия не имела, где мой муж.

Но знала, что он не оставит меня ни за что на свете. Не оставит, даже когда ему доложат обо всем, что я натворила...

Глава первая

Несколькими неделями ранее

Самые счастливые дни имеют обыкновение пролетать, как один вздох — коротко и невнятно. После не можешь вспомнить ничего примечательного, только ощущение абсолютного, бесконечного счастья, в котором хотелось задержаться, зажмурившись и перестав дышать, — лишь бы его не спугнуть. Таким было для меня лето 1885 года, когда я только-только вышла замуж и стала вдруг величаться мадам Ильицкой.

Мы с мужем наняли дом в деревне под Тихвином и намеревались провести медовый месяц, наслажда-

ясь обществом друг друга. Даже с ближайшими соседями не спешили сводить знакомство, предпочтя веселым вечерам покой и безмятежность. Не тут-то было. Не прошло и трех недель, как нагрянула, «соскучившись за сыночкой», маман моего супруга. Судя по количеству багажа, пробыть здесь маман намеревалась куда дольше нас. Тогда мы с Ильицким посощались впервые за долгое время, потому как адрес — на всякий случай — оставила ей именно я. Одно хорошо: комнат в доме было достаточно, а мирились мы теперь скоро.

Лето было испорчено? Еще не вполне. Вслед за маман, будто на запятках у нее ехали, прибыли Орловы. Да-да, всей семьей. Включая Натали, мою дорогую подругу по Смольному и кузину Ильицкого, ее мужа князя Михаила Александровича, малолетнего Митеньку, двух нянек, трех горничных и повариху.

В конце сентября Натали должна была разрешиться от бремени, но сие обстоятельство ничуть не смирило ее пыл. Первым делом моя подруга заявила, что я стала «такой же букой, как Женечка», и, дабы нас растормошить, ежевечерне приглашала в дом всех соседей, имевших неосторожность попасться ей на глаза.

Каждый божий день в доме стоял шум и гам из-за Митеньки, воспитание которого, увы, Натали совсем не интересовало. Глядя на это прелестное создание, мы с Женей как-то единогласно решили, что собственного захотим еще очень-очень не скоро.

А вечерами, ежели Натали не тащила всех куда-то из дому, у нас собиралась компания. Был чрезмерно сытный обед, бридж, папиросный дым коромыслом, песни под гитару и даже танцы иногда, ежели заво-

дили фонограф. К ночи я валилась с ног от усталости. Но засыпала на плече мужа всегда с улыбкой.

Мы сердились на Натали, строили, запершись в спальне, планы мести и не понимали тогда, как были счастливы.

А потом лето кончилось, и нас принял Петербург с его студеным ветром и квартирой на Малой Морской, где должна была начаться настоящая, уже не медовая супружеская жизнь.

* * *

Каждое утро я вставала теперь чуть свет, чтобы сварить кофе (все не находила времени нанять кухарку), повязать мужу галстук и успеть поцеловать его до того, как он уйдет на службу. Женя окончательно поставил крест на военной карьере. Еще в декабре прошлого года он уволился из армии в звании капитана пехоты и вернулся в Николаевскую академию, которую так и не окончил в свое время. Зато теперь с блеском сдал выпускные экзамены экстерном. Я невероятно гордилась им тогда. Вообще-то мужчины нечасто поражают меня интеллектом, но Женя — совершенно особенный!

Имея приличный опыт участия в кампаниях на Балканах в последней Русско-турецкой войне, он некоторое время преподавал стратегию в академии, но все же решил распрощаться с военным прошлым вовсе. К немалому моему удивлению, Ильицкий поступил на историческое отделение историко-филологического факультета в Санкт-Петербургский университет.

Удивил он меня этим решением не на шутку. Историей Женя интересовался всегда — ох, какие горя-

чие споры относительно некоторых событий прошлого бушевали меж нами когда-то! Но посвятить себя науке полностью... Впрочем, я млела от нежности, понимая, что он выбрал гражданскую специальность, чтобы обеспечить наше с ним будущее.

А чтобы хоть сколько-нибудь достойно жить в настоящем, на той же кафедре он вел какой-то факультатив, посвященный культуре балканских народов. Как-никак Ильицкий шесть лет в составе своей части был расквартирован в Кишиневе и, вероятно, студентам теперь многое мог рассказать. Потому, собственно, он и уходил из дому ровно в девять утра, а возвращался не раньше шести пополудни.

Закрывая за Женей дверь, всю предыдущую неделю я тотчас начинала готовиться к приходу рабочих, которые расставляли мебель в нашей новой квартире. Однако вчера последняя портьера была повешена, полы сверкали чистотой, и даже кружевные салфеточки уже красиво свисали с полок.

Остановившись посреди гостиной, я огляделась с чувством выполненного долга и некоторое время размышляла, чем же мне заняться теперь? Ах да, нужно подать объявление в газету о найме кухарки! Из прислуги в доме было всего двое. Катерина, невероятно ленивая девица, которая просила меня меньше шуметь по утрам, когда я варю мужу кофе. Здравый смысл уговаривал выгнать ее без выходного пособия, но всякий раз, когда мой взгляд падал на огромный бордовый шрам на ее шее, упреки застревали в горле... А кроме нее — Никита, деловой и обстоятельный мужчина лет сорока с небольшим, бывший еще денщиком у Ильицкого в армии, который и исполнял обязанности кухарки до сих пор. Ко-

ронным его блюдом (и единственным, впрочем) была курица, запеченная с апельсинами и гречей. Если в первые два дня такое меню казалось мне весьма изысканным, то спустя неделю я чувствовала, что еще немного — и сама закудахтаю. Потому нанять кухарку стало задачей номер один.

Для того я написала текст объявления о найме и вручила его Катюше, велев немедля пойти в ближайшую редакцию. А после только и успела подумать, чем бы теперь заняться, как услышала требовательный звонок в дверь.

— Не волнуйтесь, я открою! — поспешила я наперерез Никите, который замешкался в дверях кухни, пытаясь избавиться от фартука.

Часы в гостиной едва пробили десять, в такое время даже маман никогда не пришла бы с визитом. Должно быть, Катя что-то забыла, решила я отчего-то.

Но на пороге стояла дама в пурпурном платье для прогулки, в пестрой шляпке, приколотой к волосам и украшенной короткою вуалеткой. Дама была моего роста, возрастом чуть больше двадцати. Брюнетка, весьма недурная внешне. Родинка на левой щеке придавала ей то, что французы называют *charm*, но красные заплаканные глаза под дымчатой вуалью сводили все на нет — так что дама была просто недурна.

— Могу чем-то помочь? — поинтересовалась я.

— Можете, — смерив меня взглядом, отозвалась незнакомка. И без приглашения шагнула за порог, тотчас принимаясь стягивать перчатки и осматриваться в передней. — Хозяина вашего позовите.

Я даже растерялась и уточнила зачем-то:

— Евгения Ивановича?

— Его самого, милочка. Да не вздумайте лгать, будто его нет дома — настроена я весьма решительно, так ему и передайте!

Я тряхнула головой — что за балаган! Меня в жизни никто еще за прислугу не принимал, в каком бы я ни была наряде. Но голосом я своего раздражения постаралась не выдать — да и заплаканные глаза незнакомки подсказывали, что она слишком расстроена, оттого и ведет себя неучтиво.

— Должно быть, вы все же ошиблись, Евгения Ивановича определенно нет дома — заявляю вам это со всей ответственностью, потому как я не горничная здесь, а хозяйка.

Дама вскинула брови:

— Так он женат? — Теперь она осмотрела меня с любопытством. И усмехнулась: — Чудесно! Вы позволите мне убедиться, что он и впрямь не дома?

Не дождавшись ответа, она сделала еще шаг, желая протиснуться в гостиную, но я предупреждающе уперла руку в косяк двери.

— Нет, — ответила вежливо, но однозначно.

Незнакомка поджала губы, подумала недолго и полезла в ярко-алый велюровый ридикюль, истерически пытаясь в нем что-то найти.

— В таком случае передайте ему записку, будьте так любезны!

Пока искала, руки ее тряслись столь сильно, что содержимое ридикюля, предмет за предметом, падало на паркет. Надушенный кружевной платок, на уголке которого я угадала вышитую букву «Н», баночка с помадой, флакон духов, который я едва успела подхватить — не то разбился бы вдребезги и квартира пахла бы незнакомкой месяц как мини-

мум. Когда я подняла, чтобы отдать, выпавшую тонкую книжицу, вроде документа, дама выхватила ее из моих рук с такой прытью, будто это был чек на миллион рублей.

Карандаша, впрочем, она так и не отыскала. И дышала глубоко и часто, а под вуалеткой уже блестели дорожки новых слез. Я почувствовала острую жалость — бог знает, кто она такая, но по всему видно, что у нее и впрямь что-то приключилось. Быть может, Женя как раз сумеет помочь?

Я подала ей карандаш и блокнот, что лежали здесь же, на столике у зеркала, а она, неловко поблагодарив, принялась наскоро писать что-то.

«Да кто же она такая? — Я мучительно перебирала в уме варианты, один другого неприятней. — Хоть бы имя назвала».

И все же мне было ее жаль.

— Евгения Ивановича и правда нет дома, но я обещаю передать записку, едва увижу его. Вам хорошо?

На участливый вопрос незнакомка не ответила, теперь торопясь уйти. Оторвала блокнотный лист, неровно свернула его два раза и протянула мне:

— Будьте любезны передать.

Хлюпнула носом, развернулась и вышла вон, закрыв за собою дверь.

Хорошо начинается семейная жизнь.

Записка жгла мне руку, пока я несла ее в Женин кабинет... И ведь даже не запечатана — он никогда не узнает, если я загляну в нее. Немногие смогут понять, скольких сил мне стоило удержаться. Но я все-таки сделала это, просто оставив записку на столе и чуть придавив ее уголок лампой.

Я вышла замуж за Ильицкого, отдала свою судьбу в его руки, а значит, должна во всем доверять ему. Кроме того, я не была слишком наивной, чтобы не понимать — у моего мужа до встречи со мною была долгая и отнюдь не монашеская жизнь, подробности которой мне вовсе не хотелось знать. Потому я плотно закрыла дверь в кабинет и решила о записке больше не думать.

В конце концов, у нас с Женей настолько особенная близость, что он сам мне непременно все расскажет!

Однако я ошиблась.

— Никита сегодня превзошел сам себя, — сказала я за ужином, подливая мужу апельсинового соуса, — по-моему, он добавил к птице какие-то травы. Базилик, кажется.

— Не думаю, — качнул головой Женя. — Просто к тарелкам присохло что-то.

Меж тем он продолжал доедать курицу — не без аппетита даже. А вот меня слегка замутило. Прискорбно сознаваться, думала я, откладывая нож и вилку, но, несмотря на оконченный с отличием Смольный, хозяйкой я оказалась самой что ни на есть дрянной...

Но я старалась изо всех сил.

— Милый, — я потянулась через стол и игриво погладила Женину руку, — я подала сегодня объявление о найме кухарки, обещаю, что мы едим курицу последний раз в жизни.

Честное слово, я думала, он обрадуется.

— А чем плоха курица? — изумился Женя вполне серьезно. — Но насчет кухарки — это отличная новость. И тогда уж тебе следовало нанять и горничную.